

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Начало пути	14
Глава 2. Почта приходит вовремя	28
Глава 3. Пепел и мертвецы	54
Глава 4. Союз поиметых	72
Глава 5. Дерьма прибавляется	107
Глава 6. Кровь на белых стенах	143
Глава 7. Знакомства приятные и не очень	160
Глава 8. Небеса цвета пролитой крови	180
Глава 9. Немного научности	201
Глава 10. На пути в преисподнюю	230
Глава 11. Тайна заброшенной деревни	278
Глава 12. Нарыв	313
Глава 13. Немного жертвенности	349
Глава 14. Армия мертвецов	371
Глава 15. Сопутствующие потери	420
Эпилог	442
Еще один эпилог...	450
 Тоньше льда (<i>повесть</i>)	 455

*И будут знамения в солнце и луне и звездах,
а на земле уныние народов и недоумение; и море
восшумит и возмутится;*

*люди будут издыхать от страха и ожидания
бедствий, грядущих на вселенную, ибо силы небес-
ные поколеблются.*

(Лк. 21:25-26)

*Проклинаю свой дьявольский дар. Закрываю
глаза и вижу времена новой Погибели: войны, го-
лод и мор. Род людской сгинет, утонет в грехе и
крови. Ни один не спасется, ибо люди забудут
о Боге, а может, Бог забудет о них. Так вижу, так
будет, все уже предрешено...*

«Книга пророка Иеремии»

*В Час скорби и радости подземный ящер Мей-
иуф вырвется на свободу, пожрет Солнце, и опу-
стится вековая тьма, несущая смерть. Среди
снега и льда восстанут старые боги, ветры заду-
ют с севера, и Вьюге падали не будет конца...*

Священное писание маэвов «Ваэмира-кэра»

(Перевод академика Виппера)

Не живой, но и мертвым не назовешь.
Прячусь во мраке, белого света страшусь,
чужое тепло по капле через горло цежу.
Вою на Луну, а не волк, пустолаю в дверь,
а не пес. О ласке мечтаю, да на кота со-
всем не похож. Призрак, умертвие, вурда-
лак, в этом мире незванный гость, соринка
в глазу Господа Бога, в заднице Дьявола
кость...

Пролог

Солнце надувшимся багровым шаром катилось за горизонт. Темнеющий ельник обжимал лесную дорогу, дыша прелью, грибами и влажным теплом. Тонко звенели прибывающие к ночи числом комары. Андрейка Крючок, разморенный долгим путем, поклевывал носом и опасливо вскидывался, боясь упасть с облучка. Гнедая кобылка Малушка шла ходко, подкидывая костистый зад и наворачивая жидким хвостом.

— Не спи, Андрейка, замерзнешь, — хохотнул Савелий Брызга, коробейник родом из славного города Ладоги.

Пятый год Андрейка в помощниках у него, объездил с товаром все новгородские земли, много разных людей и диковинок чудных повидал. Торговал Савелий самыми нужными в хозяйстве вещами: тканями, мылом, иголками, нитками, бисером, гребешками, книжками со срамными картинками. Дело шло ни шатко ни валко, пока один знакомец не надоумил Савелия податься в самую глушь. Деревни тут были редки, большие города далеко, а народ не бедствовал, живя себе на уме. Встречали коробейников хлебом-солью, словно заморских гостей, са-

мый пустяшный и залежалый товарец втридорога шел, знай себе подсчитывай барыши. Все бы хорошо, но дело дюже опасное, трижды грабили Савелия с Андрейкой тати, выметали добро подчистую, снимали последнее драные сапоги, спасибо хоть не убили. На Старой Гати едва утекли от выползшего из болота страшилища, с зубастой пастью и множеством ног. Зимой попали в пургу и три дня прятались под телегой, питаюсь сдохшей лошастью. На третью ночь лошадь пропала, а вокруг убежища кто-то грузно ходил. Савелий с Андрейкой приготовились помирать, да с божьей помощью пронесло. На утро их, обмороженных и ошалевших от ужаса, спас проезжавший мимо рыбный обоз. Всякое бывало, привыкли коробейники к беспокойной жизни такой. Перекрестятся, Богородицу в дорогу с собой позовут, положат в телегу два самострела, один наконечник из стали, второй из серебра — и в путь.

Сегодняшний день у Савелия с Андрейкой с утра не заладился. Приехали в Кущино, а оказалось, там вчера Ефим Каляга бывал, расторговался богато и цены сбил своим залежалым гнильем. Думал Савелий выручить гривну, а заработал пару ломаных кун. Погоревали — решили в Торошинку гнать, деревню на самом отшибе, куда никакой проклятый Ефимка за здорово живешь не пойдет. Но разве беда приходит одна? Хотели к обеду успеть, подгоняли Малушку, ухнули в ямину, сломалось заднее колесо, треснула ось. Пока чинили, времени море ушло, дело к ве-

черу, какой теперь торг? Тут уж не до жиру, засветло бы добраться успеть. Ночевать среди леса — удовольствие малое.

— Ничего, немного осталось, — успокоил Савелий, скрывая тревогу. Солнце напоролось на острые елки, дневная жара сменялась пронырливым холодком. Телега подпрыгивала на ухабах, товар брякал в берестяных коробах. Где-то далеко и в то же время близко эхом заметался утробный прерывистый вой.

— Слыхал? — поежился Андрейка, хватаясь за самострел.

— Волчара, видать. — Савелий поднялся на облучке. — Эгей, залетная, выручай!

Кобыла прибавила шаг. Андрейка пугливо заозирался: если волки, то полбеды, на серых можно управу найти, вот только выть может и кое-кто пострашнее волков. Одному богу ведомо, какие сатанинские твари таятся в непролазных лесах и смрадных болотинах.

Вой приближался, телега с грохотом вылетела на пригорок в последних лучах умиравшего дня и сорвалась по дороге, бегущей среди засеянных ячменем и рожью полей. Вой превратился в разочарованный плач и затих. Нечистая пронесла! Андрейка показал невидимому преследователю кукиш. На, выкуси, тварь!

— Успели! — радостно закричал обычно степенный Савелий. Следом за ними из леса ползла темнота, клубясь на опушке и вытягивая цепкие лапы. Впереди показалась

Торошинка, два десятка соломенных крыш и купол церкви, опоясанные тыном и рвом. Деревенька небольшая, но богатая, славная знаменитым пивом на всю Новгородчину.

— Пива выпью кувшин! — счастливо сообщил Андрейка.

— Я те выпью. — Савелий погрозил рукоятью кнута. — В церкви сначала свечку поставим, во спасение грешной души.

Он неожиданно нахмурился и придержал лошадь.

— Ты чего, дядька Савелий? — удивился Андрейка.

— Ворота открыты.

Андрейка присмотрелся и недоверчиво хмыкнул. Ворота Торошинки были распахнуты настежь, словно в базарный день. У Андрейки екнуло в животе. Ворота не то что на ночь глядя, а и днем на запоре всегда. Бывает, со стражей до усрачки наспоришься, битый час доказывая, что ты не разбойник и не нечисть лесная, человеком прикинувшаяся. В села и деревни чужакам хода нет, наука эта кровью написана и заучена крепко.

— Авось напились? — предположил Андрейка, сам не веря в глупую мысль.

— И дыма нет, — Савелий словно не слышал помощника.

Андрейка только подивился наблюдательности опытного коробейника. Ни из одной торошинской трубы не вился в темнеющее небо дымок. Будто все бабы, сговорившись, не растопили печей.

— Херня какая-то, — поежился Савелий, щуря глаза.

Малушка бежала по дороге ничуть не беспокоясь, и это внушало надежду. Лошадка — животное божье, всякую нечисть чует издалека. Савелий остановился, не доехав до деревни с десятков сажен. Ни окрика, ни людей — ничего. За воротами просматривались улица и дома.

— Собаки не лают, — тревожно выдохнул Андрейка.

— Не лают, — подтвердил Савелий, спрыгнул на землю, сунул за пояс топорик и взял из телеги второй самострел, заряженный болтом с серебряным наконечником.

Андрейка засуетился и соскочил следом, испуганно косясь на ворота, кажущиеся истошно вопящим, беззубым ртом. Ворота предупреждали.

— С Малкой побудь, — обронил Савелий, взводя самострел.

— Я с тобой, дядька Савелий, — твердо сказал Андрейка. Меньше всего ему хотелось остаться одному в мягко, по-волчьи, подступающей темноте.

— Ну лады, — как-то слишком быстро согласился коробейник. В воротной сторожке на полу лежал набитый соломой матрас. Рядом раскрытая котомка с нехитрым харчем: шматком желтого сала, горбушкой хлеба и луковицей. К стене приставлены рогатины. Пахло пылью, потом и кислым пивом. Сразу за воротами лежали два мертвых сторожевых пса новгородской породы, поджарые,

мускулистые, с плоскими мордами и мягкими губами, специально выведенные для распознавания нечисти и стоящие каждый дорожке племенного быка. Собаки удавились цепями, у морд, обсиженных мухами, натекла кровавая пена. Андрейка передернулся, представив, как псины неистово лаяли и рвались, пока ошейники не перерезали плоть. Представил, *как* рвались, но представить себе не мог, на *что* рвались мертвые псы.

Савелий, ведя самострелом по сторонам, толкнул дверь ближайшей избы и шепотом, словно не желая тревожить пронзительно-мертвую тишину или боясь потревожить тех, кто затаился в пронзительной тишине, позвал:

— Эй, есть кто?

Ответа не было. В зыбкой полутьме просматривались печь и обеденный стол. Андрейка осторожно прошелся по закуткам. В доме было прибрано, лежанки заправлены, посуда помыта, полы добела натерты песком. Никаких следов погрома и разграбления. Загрохотало, Савелий выволок из печки горшок, снял крышку, шумно принялся и сказал:

— Щи, етить твою душу. Еще теплые.

Андрейка утробно сглотнул. От неправильности происходящего бросило в жар. Пустая, покинутая людьми без всякой причины изба внушала необъяснимый, мистический страх. Савелий, чуть слышно матерясь, вышел на двор. Пахло навозом и сеном, в деревянном корыте сохла недоеденная ко-

ровой зерновая паренка, в углу за куриным насестом притаилась густая, клубящаяся темнота. Тьма была живой, и они, толкаясь и мешая друг дружке, выскочили на воздух.

— Срань какая, — вымученно улыбнулся Савелий.

— Люди где? — Андрейку трясло.

Людей не было ни в следующей избе, ни в других. Дома стояли осиротелые и пустые, наполненные запахами тревоги, хлеба, льняного масла и молока. Жильцы ушли, бросив одежду, обувь, иконы, все нажитое тяжелым, неустанным трудом. Притом увели всю скотину. Во всей деревне не осталось ни кошки, ни шелудивого пса.

— Уходить надо, — пробасил Савелий, застыв на крыльце очередной опустелой избы.

— На ночь глядя? — всполошился Андрейка.

— Лучше в лесу, в обнимку с кикиморой, чем в этой могиле.

«Точно, могила, — подумал Андрейка. — Глубокая, свежая, оскверненная ямина, потерявшая старого и жадно затаившаяся в ожидании нового мертвеца».

Вкрадчивый звон разлился в застоявшемся воздухе, и Андрейка с испугу едва не обмочился в штаны. Савелий вздрогнул, и коробейники одновременно обратили взгляды на церковь с пристроенной свечой колокольни.

Деревенская улица вывела на площадь для сходов. Андрейка сдавленно засипел. Пространство перед божьим храмом пре-

вратилось в кошмарную скотобойню. Груда наваленных друг на друга коров, овец и свиней поднималась сажени на полторы, припорошенная сверху курицами, кошками и кролями. Под ногами хлюпала пропитавшаяся кровью земля. От тошнотворного медного запаха слезились глаза. Вспоротые горла и животы облепили жирные мухи, издавая мерзкий равномерный гудеж. В новом ударе колокола читалась дьявольская насмешка.

— Господи помилуй. — Бледный как полотно Савелий двинулся к церковным вратам, осторожно обходя гору свежей мертвечины. Земля, напивавшись реками крови, превратилась в смрадную грязь. Скотину забили всего несколько часов назад.

Андрейка отвел глаза. В животе булькал рвотный комок. Его замутило. Церковные врата открылись бесшумно, впустив внутрь жидкие лучики света угасавшего дня. В храме пульсировала и переливалась смердящая кровью и ладаном хищная темнота. Андрейка утробно сглотнул. Крест с распятым Иисусом был перевернут ногами вверх. Грудь, живот и лицо Спасителя покрывала поблескивающая черная жижа. Андрейка уловил тихое сосущее причмокивание. Глаза привыкли к полумраку, и он увидел распростертое перед аналоем тело в поповской рясе, с крестом на груди. Тело казалось нерезально раздутым, и он не сразу понял, что над мертвым попом безобразной опухолью нависла черная тень. Тень дрогнула, чмоканье оборвалось, фигура выпустила десяток изви-

вающихся щупалец и показала окровавленную безносую харю. Горящие злобой глаза уставились на незваных гостей. Тварь зашипела. Сверху зашуршало, просыпалась древесная труха. Андрейка поднял глаза и тихонечко заскулил. Вторая тварь стекала из-под купола по отвесной стене сгустком рваных лохмотьев и изголодавшейся тьмы.

— Андрейка, беги! — Савелий выстрелил. Чудовище, высасывавшее попа, играючи уклонилось, болт пронзил грудь распятого на кресте Христа, убив Бога и всякую надежду на избавление.

— Беги! — заорал Савелий, выдирая из-за пояса топор.

Андрейка пришел в себя, попятился и рванул в густеющую на улице темноту. Нога поехала, он поскользнулся и рухнул плашмя в кровавую грязь. Мертвая корова смотрела на него затянутыми мутной пленкой глазами. Андрейка вскочил и понесся к воротам, подстегиваемый истошным, исполненным боли и ужаса воплем из церкви, полной демонов, праха и мертвецов...

Глава 1

НАЧАЛО ПУТИ

Весна выдалась поздняя, холодная и удивительно мерзкая. Солнце наотрез отказывалось смотреть на засратый мир и куталось в низкие свинцовые облака, сыпавшие то мелкими дождями, то леденистой крупой. Проклятуший, всю душу повымотавший снежище сошел дай бог к середине апреля, устроив новый Потоп, от которого всякий сам себе Ной спасался кто как придется со скотом, женами, детьми и прочими тварями с парами и без пар. Большая вода, как оно водится, приволокла с собой кучу паскудных подарков — грязи, тины, рваных рыболовных сетей, множество потонувшего зверья и парочку не первой свежести мертвецов. И будто этого было мало, раздуваясь, вышедшая из берегов Мста притащила с верховий разложившуюся тушу страшного чудища величиною с корову, обросшую щупальцами, шипами, жуткими зенками и зубастыми ртами в самых непотребных местах. Пацанята-озорники, нашедшие пададь в излучине, потыкали несчастную зверушку палками, поиграли в победителей нечисти, а потом принялись за грошик водить на берег заезжих гостей и непременно бы обогати-

лись сверх меры, но за два днядохлая тварь расплылась в черное месиво, оставив после себя жирное пятно и ужасную вонь.

Новгородская земля, к вящему удивлению, пережила зиму без особых уронов. Падальщики и чудь белоглазая особо не баловали, порченные не лезли, Москва занималась делами далеко на юге, по доходившим слухам, в Крыму случилось нечто ужасное, с разрушениями, безумием и кучей смертей. Вроде как с Гнилого моря ветер надул злую болезнь, но правды никто никогда не узнал. Голод и войны обошли республику стороной, детишки рождались здоровенькими, в столице с помпой открыли очередной мост через Волхов, а по случаю избрания нового канцлера голытьбе раздавали пиво и дармовой хлеб. Вроде бы радоваться да жить, но кликуши на папертях, юродивые и гадалки видели в спокойствии большую беду и грозили небесными карами. Испугались немногие, нынче карами небесными разве кого удивишь? И без того наказаны людишки без меры и удержу.

Единственное, в декабре, еще до больших снегов и морозов, возле Ладоги видели Костяной маскарад, процессию живых мертвяков числом около сотни: налипшие на скелеты прах и гнилое мясо, волокущие за собой на цепях гробы и ржавую повозку на огромных колесах, с водруженным на ней высоченным крестом, свитым из костей, веток и хвороста, с приколоченной гвоздями, истошно воющей тварью, похожей на человека с со-

дранной кожей, только ростом сажени в три и с раздувшейся, бугристой башкой. Может, хотели вымолить у Бога прощение, а может, пытались Господа оскорбить. Хер этих мертвяков разберешь. Процессия вышла из чащи, перепугала окрестные села и удалилась по древней, мощенной плоским камнем дороге, ведущей из ниоткуда и в никуда.

Костяные маскарады, взявшиеся непонятно откуда, шлялись по лесам еще со времен Пагубы. Первый попал в летописи в марте 1309-го, второй засвидетельствовали через три года, следующий через десять, а потом процессии мертвецов то появлялись, то исчезали, став одной из диковин новгородской земли. Одни поговаривали, будто это останки давно сгинувших народов, поднятые колдовством, а другие утверждали, будто мертвецы заблудились между мирами и отныне обречены вечно скитаться в поисках непонятно чего. Главное и самое странное — вреда от Костяных маскарадов не было вовсе. Если вся прочая нежить стремилась уничтожить живое, то маскарады попросту игнорировали деревни, села и встречающих людей.

Из тьмы нарождалась новая тьма и погибала во тьме, считая дни за безвременье. Лето пришло спокойное, тихое, в меру дождливое, и Рух Бучила, известный защитник обиженных им же самим, уже настроился на мирные месяцы, но, как известно, хочешь рассмешить Господа — Расскажи ему о своих планах. В день июня семнадцатый в Нелюдово нагрянули конные, числом в дюжину, за-